

качества и чувства героев, звон венчальных колоколов выступает вполне заслуженной наградой.

Романс вырабатывает свой тип героини, героя, антагонистка (-ки). Индивидуализация их портретных, акциональных, характерологических особенностей отсутствует: описания идентично выделяемых деталей – глаза, волосы, фигура, робость, наивность, невинность, покорность героини; глаза, осанка, воля, мужественность, властность, надежность героя – кочуют из текста в текст, от одного автора (часто безымянного) к другому, из страны в страну, отражая общность картины мира, предусмотренной в жанре романса. При этом, однако, на универсальные (ядерные) показатели накладываются национальные и социально обусловленные характеристики разноязычных авторов, вербализующих представляемую картину мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Учеб. пос. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 247 с.
2. Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. Сб. ст. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-ое, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
4. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 334 с.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против», – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.
6. The Atlas of Literature / Gen. Ed. M. Bradbury. – N.Y.: Stewart, Tabori and Chang, 1998. – 352 p.
7. Bayer D. Der triviale Familien- und Liebesroman im 20 Jahrhundert. – Tübingen, 1963. – 186 S.
8. Gabriel G. Fiktion und Wahrheit: Eine Semantische Theorie der Literatur. – Stuttgart: Fromann-Holzboog, 1975. – 282 S.
9. Harenberg Kompaktlexikon in 3 Bänden. – B.I. – Dortmund: Harenberg Lexikon Vlg., 1996. – 1090 S.
10. Meid V. Das Reclambuch der Deutschen Literatur. – Stuttgart: Ph. Reclam Jun., 2004. – 526 S.
11. <http://de.wikipedia.org/wiki/Trivialliteratur>
12. <http://www.uni-essen.de/literaturwissenschaft-aktiv/Vorlesungen/washeisst/Trivialliteratur.htm>

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Cartland B. Flowers for the God of Love. – Bantam Books, 1976. – 153 p.
2. Cartland B. Love and Lucia. – Bantam Books, 1983. – 152 p.
3. Cartland B. The Unbreakable Spell. – Bantam Books, 1979. – 155 p.
4. Courths-Mahler H. Das Erbe der Rodenberger. – Gustav Lübbe Verlag GmbH. – Band 10082. – Bergisch Gladbach, 1990. – 320 S.
5. Courths-Mahler H. Frau Bettina und ihre Söhne. – Gustav Lübbe Verlag GmbH. – Band 11792. – Bergisch Gladbach, 1992. – 306 S.
6. Courths-Mahler H. Harald Laundry der Filmstar. – Gustav Lübbe Verlag GmbH. – Band 12349. – Bergisch Gladbach, 1995. – 322 S.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Колесниченко – старший преподаватель кафедры немецкой филологии ОНУ им. И.И. Мечникова.
Научные интересы: гендерные исследования, лингвопоэтика, романс.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ФОКУС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ КАК ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ АНОМАЛИЙ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ МАЛОЙ ФОРМЫ

Людмила КОРОТКОВА (Херсон, Украина)

Статья посвящена изучению текстовых аномалий как стержневых элементов художественных текстов постмодернизма, исследование которых связано с установлением лингвокогнитивных механизмов их возникновения и функционирования в тексте.

The article focuses on the analysis of textual anomalies as pivotal elements of postmodernist literary texts, whose objective is to determine cognitive mechanisms of their emergence and textual functioning.

Новое осмысление традиционных проблем семантики текста с позиций когнитивного подхода, в русле синтеза современных когнитивной и коммуникативной парадигм, обусловило актуальность обращения к анализу лингвокогнитивных механизмов возникновения текстовых аномалий (далее ТА) в современной англоязычной художественной прозе. С этой целью в статье анализируются те художественные тексты малой прозаической формы, прежде всего постмодернистская проза, где текстовые аномалии играют решающую роль в создании "преднамеренного повествовательного хаоса,

фрагментированного дискурса о восприятии мира как разорванного, отчуждённого, лишённого смысла, закономерности и упорядоченности" [3: 164].

Под текстовыми аномалиями понимаются радикальные инновации, нарушающие систему устоявшейся (нормативной) художественной символики и/или композиции, интерпретация которых выходит за рамки предшествующего опыта предполагаемого адресата. ТА в художественном тексте представляют собой "тёмные места", акцентированные рецептивные трудности, способствующие деавтоматизации художественного восприятия. Они рассчитаны на преднамеренную активизацию процесса интерпретации текста за счёт особых, дополнительных когнитивных и эмоциональных усилий со стороны читателя [см. 9: 96-98].

Использование ТА как инструмента интерпретации сложных постмодернистских текстов делает необходимым построение их глубинной концептуальной типологии. Учитывая гетерогенность текстового мира анализируемой постмодернистской прозы, т.е. наличие в каждом конкретном тексте совокупности миров, в основу предложенной типологии был положен критерий соотнесённости внутритекстовых миров – их параллельное сосуществование или взаимодействие.

Взаимодействие внутритекстовых миров осуществляется через *фокусы*. Под фокусами в работе понимаются те составляющие гетерогенного мира текста, которые являются средоточием или центром при взаимодействии внутритекстовых миров, в результате которого возникают ТА.

Рассмотрим взаимодействие текстовых миров, приводящее к возникновению ТА, через пространственно-временной фокус.

Пространство и время как формы существования материи в реальном, объективном мире обладают определёнными свойствами, не зависящими ни от сознания человека, ни от его восприятия, ни от его воли. Пространственно-временное ориентирование человека является практически физическим законом существования любого объекта и, естественно, что речевая деятельность человека должна выражать во всех видах коммуникации временное и пространственное существование предметов и фактов.

Локально-темпоральное единство, неразрывность пространства и времени, определяет "существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе" [1: 234-235], равно как и "художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности" [там же]. Смысл текста выражается в том, что обнаруживает соотношение вещей в определённых условиях времени и места. "Вместо непрерывного потока внехудожественной реальности мы имеем дело, – отмечает Ю.М. Лотман, – как бы серию отдельных, имманентно организованных картин с мгновенными переходами от одного живописного решения к другому" [5: 79].

В постмодернистской англоязычной художественной прозе малой формы имеют место манипуляции свойствами пространства и времени, провоцирующие возникновение ТА. Пространственно-временной фокус взаимодействия миров искажает движущийся мир реальности, что вызывает "нестандартную" интерпретацию пространственно-временных отношений в рамках гетерогенного мира художественного текста.

Пространственно-временной фокус взаимодействия текстовых миров в постмодернистской англоязычной художественной прозе малой формы характеризуется: 1) неоднородностью времени (оно не движется одинаково для всех субъектов текстового мира); 2) цикличностью времени (в мире не происходит ничего нового); 3) нарушением локально-темпорального единства (происходит разрыв единства времени и пространства) [6: 50; 8: 179].

Для анализа взаимодействия миров через пространственно-временной фокус обратимся к наиболее яркому с этой точки зрения примеру – рассказу Р. Бротигана "A Need for Gardens" (RL, p. 70-71), в котором обнаруживается два взаимодействующих текстовых мира – мир людей и мир животных. Пространство в текстовом мире этого рассказа – это задняя часть двора (*the back yard*), где разворачиваются события, а, точнее, яма, которую выкапывают люди на протяжении двух лет. Она всегда оказывается вырытой наспех (*a hastily dug grave*), неумело (*dug with a maximum of incompetence*), недостаточно большой (*sloppy little hole; not*

really large enough to hold the lion). Пространственная локация, как отмечалось выше, имеет временное маркирование – время текстового мира ограничено рамками двух лет (*two years, for two years, during the last two years*).

Содержание рассказа сводится к тому, что рассказчик, от лица которого ведётся повествование, наблюдает за группой людей, которые на протяжении двух лет хоронят одного и того же льва. Остаётся непонятным, почему льва хоронят живым. Непрототипическая ситуация воспринимается как неадекватная общепринятым нормам по двум причинам: 1) происходят похороны живого существа, 2) наблюдается одновременная статичность и динамичность времени. Возникает несоответствие между реалиями текстового мира и объективного мира, которое вызывает когнитивный диссонанс.

Время как фокус взаимодействия миров в анализируемом рассказе неоднородно: для субъектов одного текстового мира – мира людей – время статично. Они выполняют одно и то же действие на протяжении двух лет, не замечая этого (*as usual, again, fifty times, during the last two years, for two years, so many times*), при этом люди не приобретают опыт, а снова и снова повторяют свою ошибку, ссорятся между собой, обвиняя друг друга: *I stood there and watched them for an hour or so struggling desperately to bury the lion, but they were only able to bury 1/4 of him before they gave up in disgust and stood around trying to blame each other for not making the hole big enough*. Кроме того, гробокопатели не учитывают изменяющиеся размеры льва, т.е. фактически не замечают движение времени.

Для льва, которого люди пытаются похоронить, объекта другого текстового мира, мира животных, время динамично. При своих первых похоронах лев не понимал, что с ним происходит: *I remember the first time they buried him. He didn't know what was happening*. Как молодой лев, он был напуган и смущён: *He was a younger lion, then, and was frightened and confused*. За два года лев вырос и привык к своим похоронам, т.е. в отличие от людей, он приобрёл опыт: *The lion as usual took it quite stoically. Having been buried at least fifty times during the last two years, the lion had gotten used to being buried in the back yard. < ... > but now he knew what was happening because he was an older lion and had been buried so many times*. Он не только не боится происходящего, но ему даже надоел многократно повторяющийся процесс похорон: *He looked vaguely bored as they folded his front paws across his chest and started throwing dirt in his face* (см. Схему 1).

Схема 1. Пространственно-временной фокус взаимодействия миров как основа возникновения ТА

Для рассказчика, который одновременно и персонаж (субъект странного текстового мира), время также динамично. Встречаясь с людьми, копающими яму для льва, он обращается к ним с одинаковым приветствием на протяжении двух лет:

"Hello," I said. "The hole's too small."

"Hello," they said. "No, it isn't."

This had been our standard greeting now for two years. (RL, p. 70)

За два года наблюдений рассказчик убедился, что людям никогда не удастся вырыть достаточно глубокую яму: *It was basically hopeless. The lion would never fit the hole. It had never fit a hole in the back yard before and it never would. They just couldn't dig a hole enough to*

bury that lion in. Вместо безнадёжного копания ямы он предлагает людям, вероятно в шутку, в следующем году выращивать морковь: *"Why don't you put a garden in next year? I said. "This soil looks like it might grow some good carrots"* (RL, p. 71).

Взаимодействие миров искажает неразрывное единство времени и пространства в данном гетерогенном текстовом мире: время в нём статично и динамично одновременно, а само пространство при этом остаётся неизменным. Происходит невероятная игра со временем и пространством в результате временного отклонения [ср. 8: 179], которое доведено до абсурда и выходит за рамки условностей более традиционного по форме и содержанию художественного текста.

Существует парадоксальное мнение, что для того, чтобы произведение искусства было бессмертным, необходимо, чтобы оно "вышло за пределы человеческого, туда, где отсутствует здравый смысл и логика" [7: 55]. И хотя в "художественной системе мысль тем более убедительна, чем менее она логична" [2: 8], но, как заметил Г.В. Лейбниц, некоторая непонятность могла бы быть дозволена, но нужно, чтобы за ней скрывалось нечто достойное отгадки, и чтобы загадка могла быть разгадана" [цит. по 4: 462].

Взаимодействие текстовых миров, приводящее к возникновению ТА, может происходить и через *субъектно-объектный фокус*. Представляется возможным в дальнейших исследованиях определить основные его характеристики в постмодернистской англоязычной художественной прозе малой формы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахтин М.М. К эстетике слова. – М.: Художественная литература, 1974. – 367 с.
2. Ветловская В.Е. Поэтика романа "Братья Карамазовы". – Л.: Наука, 1977. – 254 с.
3. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996. – 254 с.
4. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1998. – Т.47, № 5. – С. 462-471.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 447 с.
6. Слащёва М.А. Мифологическая модель мира в постмодернистской прозе Милорада Павича // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 43-53.
7. Шенкман Я. Логика абсурда. Хармс: отечественный текст и мировой контекст // Вопросы литературы. – 1998. – № 3. – С. 54-80.
8. Doležel L. Fiction and Possible Worlds. – Bloomington; L.: The John Hopkins Univ. Press, 1998. – 321 p.
9. Vorobyova O. Textual anomalies from the cognitive poetics perspective // Proceedings of the International Conference "Cognitive Linguistics in the year 2001". – Lodz. – 2001. – P. 96-98.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

RL = Revenge of the Lawn. Stories 1962-1970. – N.Y.: Pocket Books, 1971. – 173 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Людмила Короткова – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода с английского языка Института иностранной филологии Херсонского государственного университета.

Научные интересы: когнитивная лингвистика.

АКСІОЛОГІЧНА ХАРАКТЕРИСТИКА МАКРОПОЛЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ ІЗ ЗООНІМНИМ КОМПОНЕНТОМ «МЕНТАЛЬНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛЮДИНИ»

Олена КРИЖКО (Бердянськ, Україна)

Стаття присвячена встановленню аксіологічних ознак макрополя фразеологізмів із зоонімним компонентом «Ментальні характеристики людини». Зокрема, визначено семантичну сутність стрижневого компонента фразеологічної одиниці, здійснено оцінку характеристику фразеологічних і фразеометафоричних полів, об'єднаних у макрополі «Ментальні характеристики людини».

The article observes the formation of axiological features in a macrofield of phraseological units with zoonomical component «Mental characteristics of the person». In particular, the semantic essence of a basic component of phraseological unit is defined, the estimated characteristic phraseocomparative and phraseometaphorical fields united in a macrofield «Mental characteristics of the person» is revealed.

Мета даного дослідження – встановити аксіологічні ознаки макрополя фразеологізмів із зоонімним компонентом «Ментальні характеристики людини». У процесі аналізу розв'язуються такі завдання: 1) визначити семантичну сутність стрижневого компонента